

РАСПАД СССР: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

И.Г. ЯКОВЕНКО

Распад СССР – событие всемирно-исторического масштаба. В этих процессах реализовался исторический выбор народов Советского Союза. Обыденное сознание исходит из того, что последствия – это что-то близкое и непосредственное. В реальности последствия стратегического выбора реализуются на разных исторических дистанциях. В 1922 году в России закончился пятилетний референдум по поводу выбора пути развития страны, который принято называть Гражданской войной. В ходе этого референдума русский народ выбрал стратегию большевиков. Последствия этого исторического выбора народы Российской империи испытывают на себе без малого сто лет. Коллективизация и голодомор на Украине и Юге России относятся к ближнесрочным последствиям; всеобщее начальное, а затем и среднее образование, Днепрогэс, Магнитка, Гагарин в космосе – к среднесрочным; вымирающее Нечерноземье и спивающееся население малых городов сегодня – к отдаленным последствиям. Соответственно, можно говорить о краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных итогах любого серьезного исторического события. Двадцати лет, прошедших с 1991 года, достаточно для подведения предварительных итогов.

Всякая культура внушает своим носителям идею собственной вечности. Эта максима переживается как нечто самоочевидное. Знание об инках, римлянах или Ассирийской империи не соотносится в голове массового человека с судьбами «нашего» мира. В случае с СССР на описанное накладывался особый эсхатологический оптимизм молодой мировой религии, предполагавшей вечное бытие в силу самой природы божественной истины. У Советского Союза было начало, но не могло быть конца. Это убеждение внедрялось в сознание трех поколений всей мощью идеократического государства. Поэтому многие переживают распад СССР как событие, противное законам природы. Это – либо трагическая случайность, либо результат действия враждебных сил. Однако самая распространенная и устойчивая иллюзия не перестает быть иллюзией.

По существу, распад СССР – следствие другого, гораздо более масштабного события. Весь XX век Россия отдала новой религиозной истине, которую выстрадала, приняла и выпестовала российская мысль. Истина эта по определению носила универсальный характер. Русский народ и другие народы СССР осознали как свою историческую миссию принесение обретенной истины всему человечеству. На это были истрачены все наличные силы, положены гигантские

ресурсы. Ради этого были реализованы циклопические проекты. Но человечество отказалось от перспективы «светлого будущего». Коммунизм не стал мировой религией. В борьбе за мировое господство Советский Союз ввязался в военно-технологическую гонку с блоком лидеров мировой динамики, надорвался в этой гонке и рухнул. Крах коммунистического проекта и «общества реального социализма» стал краеугольным событием, завершающим XX век и открывающим эпоху перехода мира к новому историческому качеству. Советский Союз был политической оболочкой коммунистического проекта. Крах коммунизма означал конец империи.

Это событие упало на головы миллионов людей, не готовых осознать и смириться с произошедшим. Отсюда страстная полемика: распался ли СССР сам или его развалили некие внешние или внутренние силы? По существу этой проблемы можно сказать следующее: на протяжении всей истории человечества любое государство существует в диалектике интегративных и дезинтегративных тенденций. И существует до тех пор, пока интегративные силы доминируют над дезинтегративными. В каждом государстве есть социальные группы и силы, которые по самым разным мотивам (религиозным, экономическим, культурным, этноцивилизационным) заинтересованы в разложении, распаде страны, в ее переформатировании, в наступлении хаоса и т.д. Те же самые тенденции присутствуют во внешнем пространстве. Отдельные социальные силы или правящие режимы могут быть заинтересованы в дестабилизации или распаде соседней страны. В этом отношении СССР ничем не отличался от сотен других стран. Можно перечислить обозначенные силы внутри и вовне, но этот перечень ничего не даст для понимания логики распада Союза.

Дезинтегративные тенденции побеждают тогда, когда исчерпывается интегративный потенциал. Всем, повторяющим байки про «Доктрину Даллеса», надо ответить на вопрос: почему ИНО ОГПУ, Коминтерну, КГБ СССР, ГРУ, Международному отделу ЦК КПСС, Организации Варшавского Договора, Совещаниям коммунистических и рабочих партий, Всемирному Совету мира, АПН и другим почтенным структурам и организациям, располагавшим огромными ресурсами и компетентными специалистами, не удалось разрушить мир капитала, а ЦРУ и империалистам удалось разрушить СССР? Бойцы видимого и невидимого фронтов вначале утратили волю к победе, а потом перешли на сторону противника? Пусть так, но это не объяснение. Мы говорим о широком социальном слое — элите гигантской империи, которая вдруг переродилась. Если такой процесс имел место, то он обусловлен и закономерен. Его надо объяснить.

Следует различать уровни причинности. В ходе войны фашистская Германия была разгромлена союзниками по антигитлеровской

коалиции. Но этот разгром не есть причина краха. Причина — самоубийственная политика фашистских вождей, развязавших мировую войну, которая была обречена стать борьбой на уничтожение противостоящих блоков. Советский Союз семьдесят лет боролся за мировое господство. В этой борьбе различались этапы, тактики, союзники и противники. В первые десятилетия идея мировой революции провозглашалась громогласно. В эпоху холодной войны в качестве пропагандистского обеспечения борьбы за мировое господство использовалась фразеология борьбы за мир. Постепенно накал борьбы угасал. Но цель оставалась неизменной — победа коммунизма во всем мире, что в практическом плане означало мировое господство СССР как безусловного лидера коммунистического мира. Советский Союз надорвался в этой борьбе и рухнул.

Поражение Союза в холодной войне и итоги этого поражения сопоставимы со стратегическим поражением Священной Римской империи в войнах Контрреформации, завершившихся Вестфальским миром 1648 г. Испания не смогла навязать Европе ни своего видения христианских догматов, ни своего владычества. С середины XVII века Испания угасает, колониальная империя последовательно рассыпается, страна погружается в стагнацию. Испании удалось войти в общеевропейскую целостность лишь в 70-е гг. прошлого века.

Лидеры мировой динамики входили в «мир капитала». Запад был больше и мощнее. «Мир социализма» объединял страны второго эшелона. Советский Союз нес основное бремя мирового противостояния. Сверх всего этого, социалистическая экономика принципиально неэффективна и проигрывает экономике, базирующейся на рынке и частной собственности. Экономика советского образца эффективна как стратегия догоняющего развития традиционно крестьянского общества. Она позволяет концентрировать ресурсы на ключевых направлениях, создавать инфраструктуру индустриального этапа. В этом смысле советский проект укладывается в более широкое множество диктатур развития с их тягой к огосударствлению экономики, с жестким политическим режимом, культом силы и фатальной обреченностью трансформироваться со временем в диктатуру застоя.

Шестидесятые годы прошлого века жестко обозначили предел возможностей социализма по-советски. Советское общество не смогло осилить потенции четвертого технологического уклада. Оно не смогло перейти от тракторов и самолетов середины века к компьютерам и синтетическим материалам. Запад интенсивно развивался. Отсюда экстенсивные ответы на интенсивные вызовы; в частности — вал военного «железа», уступающего в качественном отношении технике противника. Власти приходилось экономить на качестве жизни населения. Серый и невыносимо убогий быт советского человека становился нестерпимым

в сравнении с картинками, открывающимися через отверстия в ржавеющем железном занавесе. В конце концов, само советское общество изверилось в коммунистической перспективе и изжило советский проект. Первыми к этому пришли наиболее гибкие люди в правящей элите и интеллигенция. А дальше началась Перестройка и замордованный дефицитом советский потребитель одержал стратегическую победу. Сладостное видение магазинов, в которых разложено тридцать сортов колбасы, заслонило образы Города Солнца.

Российская империя исторически сложилась из фрагментов трех локальных цивилизаций — православной, протестантско-католической и исламской. Такое образование могло быть более или менее стабильным до разворачивания модернизации, как русского ядра, так и окраин. Модернизация в империях с необходимостью запускает процессы формирования наций. Начинаются эти процессы с сохранения родного языка и народной культуры, а завершаются борьбой за независимость. Уже к началу XX века традиционно имперская модель изжила себя. Большевики выиграли Гражданскую войну и восстановили империю, прежде всего, за счет отхода от унитарной модели. На смену «единой и неделимой» пришла федерация республик, обладавших известной национально-культурной автономией. Постепенно формировались национальные элиты и складывались предпосылки для следующей итерации, наступившей в 1991 г.

Сверх этого, в СССР сложился новый идеологический интегратор. Коммунизм как новая религия снимал локально-цивилизационные различия, возникшие в предшествующие эпохи. Но с крахом коммунизма гетерогенность общества выросла критически и буквально разорвала имперское целое. Не забудем, что за семьдесят лет советское общество значительно продвинулось по пути модернизации. Соответственно в республиках сложились предпосылки для формирования национального сознания. Точно такая же ситуация сложилась в Югославии, которая с крахом коммунизма распалась по цивилизационным границам.

Кто выиграл и кто проиграл от распада СССР? Прежде всего, распад СССР неотделим от краха социализма. Эти процессы нельзя рассматривать по отдельности. Далее, проблема оценки рождает методологические трудности. Каковы критерии? Интересующие нас процессы имеют многофакторный характер и содержат неустранимую субъективную компоненту. Выиграл или проиграл советский инженер, превратившийся в успешного владельца крупного предприятия, но страдающий от утраты сверхдержавного и имперского статуса России? Выиграл или проиграл профессор-гуманитарий, лишившийся идеологического контроля и цензуры, уровень доходов которого снизился по сравнению с его доходом в советскую эпоху?

В самом обобщенном смысле выиграли наиболее модернизированные носители индивидуалистического сознания. Проиграли — люди традиционной ориентации, массово представленные в модальности «советского человека». Выиграли жесткие, инициативные, предприимчивые люди, окончательно изжившие патерналистские установки, надеющиеся только на себя, свои возможности, свои связи, свою инициативу. Проиграли люди традиции, патерналистские и ведомые, верящие в то, что «власть должна накормить людей и дать людям работу». Выиграли способные включиться в новые профессии и жизненные сценарии. Проиграли более инертные, пожилые, не способные к резкой эволюции в силу культурных, психологических и ценностных барьеров.

Начисто проиграло минимально модернизированное традиционное крестьянство, остатки которого доживали в заказниках колхозно-совхозной системы. Условия воспроизводства этого историко-культурного феномена полностью сняты. На смену идет фермер и наемный работник капиталистического предприятия в сельском хозяйстве. Между этими реалиями качественная дистанция. Фермер и наемный работник отрицают мир традиционного крестьянства.

Тотально проиграла интеллигенция. Прежде всего, в силу экстенсивного характера советской модели объема подготовки работников умственного труда превышали все разумные потребности. Там, где должен был работать один специалист с высшим и трое со среднетехническим образованием, у нас закладывалось 25 ставок инженера. Иными словами, государство давало высшее образование и обеспечивало человека не чересчур напряженной работой до пенсии. Крах советской экономики привел к тому, что миллионы специалистов с высшим образованием, профессия и уровень компетенции которых не соответствовали требованиям рынка труда, оказались на улице. Во-вторых, с крахом советского общества (которое в своих глубинных основаниях было обществом традиционным) распались условия воспроизводства интеллигентского сознания. Рухнул этос интеллигенции. Разрушились ее представления о народе, о самой себе, понимание собственной миссии и чаяния светлого будущего. На смену интеллигенту пришел буржуазный интеллектуал. А это — совершенно иной персонаж исторической драмы.

В целом проиграла академическая и отраслевая наука. Российская Федерация заведомо не может содержать науку, соответствующую сверхдержаве, борющейся за мировое господство. Кроме того, крах плановой экономики подрубил отраслевую науку. Масса научных работников оказалась у разбитого корыта. Талантливые специалисты, прежде всего молодые, владеющие языками и профессионально отвечающие требованиям мирового рынка, двинулись за рубеж. Оставшиеся живут трудно. Уровень доходов и социальный статус научных

работников снизился. Ученым, привыкшим к госфинансированию и административному механизму формирования тематики исследований, приходится вникать в запросы рынка и работать над проектами, предполагающими на выходе коммерческое использование.

В целом проиграла сфера производства, выиграла сфера обращения. В СССР сфера обращения была предельно сжата, а сфера производства — раздута. Сегодня целые сектора сферы производства рухнули. Доходы, культурный статус, сама возможность работать снизилась и проблематизировалась. Сфера обращения переживает противоположную трансформацию.

Во всех сферах экономики, культуры, общественной жизни выиграло то, что пользуется спросом на рынке, проиграли те формы экономической активности, которые не имеют потребителя здесь и сейчас. Машиностроение, оборонная промышленность, отечественная электроника, авиапром и т.д. — оказались неконкурентоспособными или лишились крупных госзаказов. В сфере производства выиграли экспортно ориентированные производители энергоносителей, сырья, продуктов первого передела. Российские аграрии покупают зерноуборочные комбайны, произведенные в Бельгии, Германии и США. А производитель металлопроката «Северсталь» успешно развивается. Процветает сфера производства товаров и услуг, ориентированных на человека как конечного потребителя — пищевая, кондитерская — не испытывающая слишком сильного давления импорта.

Выиграли высококлассные специалисты любого профиля, труд которых востребован живыми людьми. Врачи, адвокаты, архитекторы и другие специалисты высокого уровня резко повысили свои доходы и социальный статус.

Выиграли города-«миллионники», в которых сложилось общество потребления. Проиграла глубинка. Но и здесь все не так просто. Наиболее зримо просело Нечерноземье. Юг России переживает интенсивный рост капиталистического сельхозпроизводства, который затронул весь регион.

В целом выиграл менеджмент, проиграли непосредственные исполнители, работники организаций любых форм собственности. В СССР последовательно реализовывалась стратегия уравнительности. Слишком высокие доходы поджимали, малооплачиваемых — приподнимали. Сегодня этого нет. Нет и профсоюзного движения, способного отстаивать интересы наемных работников.

Выиграли сотрудники крупных корпораций — государственных и полугосударственных. Надежное социальное положение, высокая заработная плата, мощные социальные пакеты, хорошие перспективы служебного роста — все это притягивает молодежь к корпоративной карьере.

Самые крупные бонусы получила бюрократия. Этот слой общества вырос в объемном отношении и повысил свой социальный статус. Официальные доходы и преференции бюрократии возросли. Но самое главное — радости чиновничьего служения связаны со всепроникающей коррупцией, пронизавшей все общество сверху донизу. Крупная бюрократия срашивается с бизнесом, порождая классическую для России композицию власти-собственности. Соответственно, проигравшей стороной коррупционного бума оказывается государство и общество как целое. Растет стоимость жизни, рушатся остатки социальной защищенности, размывается законность. Всесильный чиновник уверенно попирает бесправного гражданина. Надо сказать, что в СССР уровень коррупции постоянно рос, но оставался в разумных пределах. Политическое руководство страны тормозило коррупционное разложение аппарата, справедливо усматривая в росте коррупции смертельную опасность для системы. В постсоветской России коррупция вырвалась из-под контроля. Получатель этой ренты — правящая бюрократия.

Очевидно выиграло возникшее на голом месте бизнес-сообщество. Крупный бизнес пополняет региональную и общенациональную элиту, срастается с бюрократией, покупает недвижимость за рубежом и т.д. Сложнее обстоят дела у среднего и малого бизнеса, который стал объектом постоянного обирания и вынужден бороться за свое существование. Но и здесь возможности людей и мера субъектности резко возросли.

Выиграли города и зоны страны, экономика которых держится на трансграничной торговле. Тридцать лет назад Белгород был тихим провинциальным городом. Сейчас это растущий и процветающий город, живущий на российско-украинских торговых потоках. Те же процессы идут в Калининградской области. На Дальнем Востоке, в зонах, ориентированных на торговлю с Китаем, Кореей и Японией, наблюдается сходное оживление экономики.

В нашей стране нет статистики выехавших за рубеж после 1991 г. Это достаточно пестрое множество. Здесь и наемные работники, и бизнесмены, и семьи предпринимателей, чиновников, политиков, постоянно работающих в нашей стране, и статусные пенсионеры, решившие реализовать право на заслуженный отдых в Средиземноморье, и люди искусства. Многие из них сохраняют российские паспорта. Называют разные цифры. Но выехало не менее 5 млн. человек. Эти люди, несомненно, выиграли.

Выиграли региональные элиты вообще и элиты бывших союзных республик, в особенности. Последние обрели статус элит независимых государств, выросли в объемном отношении. Мера их самостоятельности и горизонты возможностей поднялись на несравнимый уровень.

В сложном положении оказались русские и русскоязычное население ряда новых государств на постсоветском пространстве. Русские

на таких территориях разом утратили статус «старшего брата» и превратились в этническое меньшинство. Для многих такая трансформация оказалась болезненной. И два десятилетия постсоветского развития убеждают в том, что надежды на реставрацию беспочвенны. Жизнь поставила людей перед выбором – принимать новую реальность, учить язык, входить в культуру новой страны или замыкаться в русскоязычной среде, реализуя стратегию доживания. В тех странах, где русским не мешают быть русскими, острых проблем не возникает, однако новая реальность приемлема далеко не для всех. В девяностые годы наблюдалось возвращение этнических русских на историческую родину. Но в целом это поток достаточно скромных объемов. В Средней Азии есть государства, выезд из которых затруднен, связи с Россией минимизированы, а сохранение русской идентичности усложняется.

Выиграли республики СССР, находящиеся к западу от России. Одни вернулись в родственную им европейскую цивилизацию, другие приблизились к динамичной и благополучной Европе. Проиграли республики, лежащие к востоку от России, за исключением чрезвычайно динамичного Казахстана. Страны Балтии вошли в Объединенную Европу. Граждане этих стран получили шенгенский паспорт. Возможности и перспективы этих людей качественно изменились. Заметим, что это касается не только представителей коренного населения. В Балтии зафиксировано интересное явление – «еврорусские». Это русские граждане балтийских стран, активные в бизнесе, освоившие европейские языки и работающие с европейскими партнерами. Еврорусские успешно конкурируют с представителями коренного населения. В Молдавии дела идут намного сложнее, но каждый четвертый житель страны получил румынский паспорт, т.е. вошел в шенгенскую зону. Украина не так энергично, но также вращается в европейскую реальность. Квалифицированные специалисты в массовом порядке выезжают за рубеж. Белоруссия в этом ряду стоит особняком. Но и там растет число людей, обучающихся и работающих на Западе.

Трудно сформулировать обобщающее суждение относительно республик Кавказа. Армения находится в сложной геополитической ситуации. Грузия развивается динамично, но в высшей степени драматично. Азербайджан, скорее всего, переживает застой. Можно полагать, что одни социальные группы в этих странах выиграли, другие – проиграли.

В целом от распада СССР проиграли республики Средней Азии. Эти общества обрели независимость, вернулись в среду родственных культур и народов. Теперь культурные ориентиры, формы и темпы вестернизации задает не имперский центр, а национальные элиты. Однако гражданские войны, мощная трудовая миграция, проседание экономики, революции в одних странах и жесткие политические режимы в других свидетельствуют о серьезных проблемах региона. Лишившиеся патер-

налистской поддержки союзного центра и предоставленные самим себе, республики Средней Азии с трудом входят в современный мир.

Самая крупная республика Средней Азии — Казахстан. Богатые сырьевые ресурсы, а также авторитарный, но исключительно эффективный национальный лидер позволили Казахстану пережить тяжелые девяностые и выстроить динамичную экономику, близкую по структуре к российской: добыча и экспорт полезных ископаемых и продуктов первого передела. Согласно ежегодному докладу Программы развития ООН за 2010 г., Казахстан занимает 66 место в мировом рейтинге человеческого развития. В этом же рейтинге Россия занимает 65 место. На постсоветском пространстве наши государства опережают только страны Балтии. У всех остальных дела идут либо несколько, либо существенно хуже. Так мы переходим к следующему важному положению.

От распада Союза выиграло население России как целое. Инерция мышления, ценностные барьеры и активность имперски ориентированной части общества заслоняют эту реальность от большинства населения страны. Но постепенно и самые зашоренные и традиционно мыслящие начинают осознавать — это «они» едут к нам работать. Они строят наши города и подметают наши улицы. Россияне находят себе более престижную работу. Бремя поддержания имперского целого, прежде всего, лежало на России. Сегодня эта ноша снята с россиян. Военные расходы снизились в десятки раз. Мы не оплачиваем лояльность восточноевропейских сателлитов СССР, не поддерживаем «прогрессивные режимы» и т.д. Другое дело, что основные дивиденды от этого достались элите. Тем не менее, рост крупных городов, формирование общества потребления, новые стандарты жизни миллионов людей, немислимые в советскую эпоху, заданы не ростом эффективности экономики, а отказом от империи и борьбы за мировое господство.

Это не снимает многих тревожных тенденций. Снижается качество среднего образования и бесплатного медицинского обслуживания. В стране формируется «культура бедности», которая воспроизводит себя и блокирует перспективы вырваться из нищеты. Возникли устойчиво депрессивные регионы. Растет наркомания. Продолжительность жизни удручает. Россия находится в мировых лидерах по числу самоубийств. Все это свидетельствует о системном кризисе российского общества. В стране нет ни консенсуса по поводу причин и способов выхода из кризиса, ни политической воли верхов заниматься стратегическими проблемами и бороться за будущее страны.

Важно подчеркнуть, что названные проблемы не есть следствие распада СССР и смены модели развития. Прежде всего, мы сталкиваемся здесь с платой за империю. Все народы, создавшие империю, переживают кризис после распада имперского целого. Вспомним

монголов, заплативших за сладкий миг имперского могущества шестью веками прозябания. Вспомним греков, оплативших тысячелетнюю Византийскую империю пятью веками Османского ига. Сегодняшние проблемы России заданы незавершенным характером революционных преобразований постсоветского общества, издержками управляемой демократии. Они свидетельствуют о своекорыстном характере правящей элиты и слабости гражданского общества.

Крах коммунизма и распад СССР оформили последующую итерацию движения по пути модернизации постсоветского пространства. Итерацию на пути размывания традиционного сознания и движения от экстенсивного к динамичному, имманентно интенсивному обществу. Очевидные моменты упадка и деградации заслоняют от многих наблюдателей значимость качественного перехода.

Сегодня, по прошествии двух десятилетий, можно констатировать очевидное преодоление упадка и тенденции роста в одних регионах постсоветского пространства, равновесие конструктивных и деструктивных начал – в других, и доминирование тревожных тенденций – в третьих, наиболее проблемных зонах.

Нас интересует, и это естественно, прежде всего, Россия. Со сменой поколений, происходящей на наших глазах, отказ от обанкротившихся исторических стратегий и тупиковых моделей развития начинает приносить все большие дивиденды. В конечном счете, будущее России зависит от самого российского общества, от уровня его зрелости, способности понимать реальность, принимать ответственные решения и работать во имя настоящего и будущего своей семьи, своих детей, своей страны.

Аннотация

Распад СССР стал закономерным итогом реализации коммунистического проекта. На смену уравнительному патерналистскому обществу пришла жесткая реальность жизни в стране, переживающей системный кризис. Крах коммунизма и распад СССР оформляют следующую итерацию исторического развития постсоветского пространства.

Ключевые слова: империя, системный кризис, социалистическая экономика, постимперский синдром, рынок труда, коррупция.

Summary

The collapse of the USSR has become the logical outcome of the communist project. To replace the paternalism society came the harsh reality of life in a country that is facing a systemic crisis. The collapse of communism and the disintegration of the USSR shall issue the next iteration of the historical development of the post-soviet space.

Keywords: the empire, a systemic crisis, the socialist economy, the post-imperial syndrome, labour market, corruption.